

Марина
СЕРОВА

Дело о поджогах в Анапе

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова

Дело о поджогах в Анапе

Серия «Русский бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74131556

Дело о поджогах в Анапе: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-250423-5

Аннотация

Второй день долгожданного отдыха в залитой солнцем Анапе начинается для Татьяны Ивановой не с чашки идеального эспрессо и морского бриза. В городе завелся «серийный убийца»... электросамокатов. Каждую ночь на пустой набережной неизвестный клеймит новый самокат сети «Стримлайн» и сжигает дотла.

У Татьяны есть всего пять дней до официального открытия сезона, чтобы остановить поджигателя, пока курортный рай не превратился в пепелище. Но чем глубже она погружается в это дело, тем отчетливее понимает: за глянцевым фасадом успешного бизнеса и политических амбиций прячутся тени прошлого, сломанные судьбы и месть человека, у которого отняли все.

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в оперативных

мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

Дело о поджогах в Анапе

© Серова М.С., 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Широкая бетонная лента набережной была пуста. Она протянулась вдоль спящего моря, поблескивая под редкими фонарями, вкрученными в чугунные столбы. Свет ложился на плитку неравномерными желтыми кругами, оставляя между ними провалы чернильной темноты. Где-то далеко, за поворотом, бубнил бас из ночного клуба – глухой, ритмичный гул, больше похожий на землетрясение где-то под землей. Здесь же стояла тишина, нарушаемая только редким плеском волны о бетонный откос да шелестом полиэтиленового пакета, гоняемого легким ночным бризом.

В одном из таких кругов света, точно на сцене, стояла новая партия. Десять электросамокатов «Стримлайн», выстроенных в идеально ровную линию у ярко-синего павильона, с наклейками «Совершенство мобильности!». Их рули, сложенные для транспортировки, напоминали склоненные головы. Гладкие корпуса цвета металлик отливали холодным блеском под фонарем. Они излучали визуальное ощущение новизны: отсутствие царапин на алюминиевых подножках, заводская пленка на дисплеях, нестертые наклейки с предупреждениями. Они были готовы к утру, к потоку курортников, к веселой суете проката. Символ успешного, отлаженного бизнеса в самом сердце курортной инфраструктуры.

Из темноты между фонарями вышла фигура.

Она двигалась не спеша, без суеты вора. Просто шла вдоль линии самокатов, как инспектор, проверяющий караул. Остановилась между третьим и четвертым. Они ничем не отличались от остальных. Может, чуть ближе к фонарю.

Рука в протертой на ладони и указательном пальце рабочей перчатке темно-синего цвета поднялась и замерла на секунду. Затем пальцы сжались в кулак. В перчатке было что-то твердое, металлическое. Кулак опустил на блестящий алюминиевый корпус четвертого самоката над задним колесом.

Резкий, сухой, рвущий тишину скрежет металла по металлу прокатился по набережной, отчетливей далекой музыки. Звук был настолько противоестественным в этой картинке курортного благополучия, что даже море, казалось, затихло на миг. На идеальной поверхности осталась глубокая, рваная борозда, обнажившая матовую серую подложку. Перчатка провела еще раз, уже без усилия, будто проверяя качество работы. Стружка металла завилась спиралью и упала на асфальт.

Фигура не оглянулась.

Из складок темной куртки была извлечена небольшая канистра, литра на полтора. Пластиковая, синяя, бытовая. Действие стало чуть более сосредоточенным. Перчатка открыла черную крышку канистры – та щелкнула, поддавшись. Над горловиной в свете фонаря заколебалось прозрачное марево. Фигура наклонила канистру, и струйка жидкости, тол-

стая и медленная, блеснула желтым под светом, прежде чем заполнить горловину и перелиться через край. Она потекла по алюминиевому корпусу третьего самоката, собираясь в лужу на пластиковой подножке, а затем тонкими ручейками устремилась к асфальту, рисуя темные маслянистые полосы.

Канистру поставили рядом, аккуратно, чтобы не упала. Достали коробок. Обычную картонную коробку спичек с синим наконечником. Фигура отошла на шаг, оценивая расположение дорожки. Раздался сухой щелчок отрыва спички от блока, затем легкое шуршание серной головки о боковую полосу.

Вспышка была короткой, яростной и ослепительной в темноте. Она выхватила из тьмы на долю секунды только одну деталь: ту самую перчатку на вытянутой руке, протертую на костяшках пальцев, с туго затянутым ремешком на запястье. Больше ничего – ни лица, ни силуэта, только рука, держащая крошечное пляшущее пламя.

Пламя наклонилось и коснулось тонкой струйки жидкости, что успела стечь с подножки на землю.

Огонь не вспыхнул – он побежал. Рыжим хищным зверем, с резким, чадающим шипением. Он помчался по темной дорожке обратно к самокату. Добежал до лужицы на пластиковой подножке – и та вспыхнула ослепительным, почти белым пятном. Через миг огонь, словно найдя русло, взметнулся по алюминиевой стойке руля, облизывая наклейки и превращая их в черные хлопья пепла.

Теперь свет был постоянным, тревожным, живым. Жар волнами накатывал на фигуру, стоящую в двух метрах. На темной ткани куртки заиграли блики.

Алюминиевая рама почернела от копоти. Металл в месте крепления вилки потерял жесткость, и переднее колесо под собственной тяжестью медленно наклонилось в сторону. Сварные швы на стыке рулевой колонки проступили наружу темными растекшимися линиями.

Огонь добрался до аккумулятора.

Сначала раздалось короткое, сердитое шипение. Фигура инстинктивно отвела голову, но не отступила.

Первый хлопок был резким, как удар кнута. Из-под деформированной подножки вырвался сгусток белого дыма. Второй – глуше, из корпуса самоката. Остов дернулся, от него отлетела почерневшая пластиковая крышка, ударившись о павильон.

Яркая вспышка осветила набережную на секунду дневным светом – и погасла, оставив тлеть груды мусора. То, что минуту назад было «Совершенством мобильности», теперь представляло собой скрюченный, обугленный скелет из алюминия. Резина колеса сгорела почти полностью, обнажив деформированный обод. От пластика остались лишь черные, оплавленные наплывы, свисающие с рамы. Дисплей, покрытый паутиной трещин, все еще отражал отсветы тлеющих угольков.

Фигура наблюдала до конца. До того момента, как послед-

ний резкий щелчок аккумулятора отзвучал и на набережной воцарилась новая тишина, нарушаемая теперь только потрескиванием металла, остывающего в ночном воздухе, и далеким, все тем же равнодушным гулом музыки.

Она не повернулась и не побежала. Просто развернулась на месте и медленно пошла прочь вдоль берега, не ускоряя шага. Ее силуэт растворялся в темноте между фонарями – сначала стал размытым, потом просто силуэтом, затем слился с общей массой ночи.

На асфальте остался первый черный, дымящийся след. Искореженный алюминиевый остов в луже расплавленного пластика, обгоревшая канистра, клочья копоти. И глубокая, зияющая царапина на соседнем самокате – проведенная с силой, с намерением.

Курорт спал, притворяясь, что ничего не происходит. Море равнодушно лизало бетон. Музыка в клубе была в бессознательное танцующих. А на набережной теперь лежал труп... самоката...

Глава 1

Второй день отпуска. Состояние промежуточное: тело уже расслаблено солнцем и непривычным бездельем, а мозг, этот неугомонный скрипач, все еще играл на остаточных нервах прошлых дел. Он, конечно, замедлил темп – не бешеный ритм симфонии номер три, а скорее фоновый, раздражающе приятный джаз. Но он играл. И вместо того, чтобы видеть море, я видела чемоданы.

Лобби отеля «Амфитрита» было создано для того, чтобы чемоданы были красивыми. Или, точнее, чтобы их не замечали вовсе. Высокие потолки с лепниной – такие лепнины я уже видела в ресторанах, где цена в меню не соответствует качеству еды, – давили на уши тишиной. Мрамор пола – холодный, молочный, с прожилками серого, как дорогой сыр, – отражал мягкий свет от хрустальных люстр, но не бликовал назойливо. Это была не просто отделка. Это был барьер. За толстыми стеклами панорамных окон клочкотала южная жара, пыль, гомон таксистов и разноцветные палатки с кукурузой. А здесь царил тихий, кондиционированный рай с температурой ровно двадцать два градуса и ароматизатором, который менеджер гордо называл букетом белых цветов и свежемолотого кофе. Кондиционеры жужжали ровно, на одной ноте. Воздух – чистый, стерильный, без запахов.

Я сидела в глубоком бархатном кресле, потягивая эспрес-

со из крошечной чашки. Правильный эспрессо – густой, с плотной золотистой пенкой, без кислинки и без пыли от дешевых зерен. За деньги, что я заплатила за него, они хотя бы не опозорились. На низком столике передо мной лежала шляпа. Огромная, соломенная, с черной шелковой лентой. Мой щит от мира и одновременно маяк. «Смотрите, я здесь отдыхаю, – говорил мой наряд. – Не трогайте меня».

Наряд я выбрала под стать: белоснежные шорты из плотного хлопка, которые не мялись и сидели так, будто их на мне вылепили. Сверху – шелковая блуза цвета, который продавец в магазине назвал «морская волна после шторма». Дорогая ткань струилась свободно, но ловила каждый изгиб тела, когда я двигалась. Она была расслабленной только на вид. Как и я. Сандалии из кожи питона, купленные в прошлом сезоне в Милане, завершали картину. Картину богатой бездельницы, чей самый сложный выбор сегодня – между тапас с креветками и хамоном.

Я наблюдала. Привычка, которую не выключить тумблером.

Проходящие мимо пары: он, красный от солнца, в новой полосатой рубашке, она – в парео, наспех накинутом на купальник. Он несет два коктейля в бокалах-сундуках, лицо его выражает сосредоточенную гордость добытчика. Она смотрит в телефон. Их история читалась за пять секунд: брак, дети остались с бабушкой, он пытается вспомнить, как это – быть вдвоем, она уже заказала на маркетплейсе новое

платье и думает, как бы сбежать на процедуры в спа. Эмоциональный диссонанс, приправленный сладким сиропом из стаканчика.

Рядом промелькнула деловая группа: три человека в рубашках с коротким рукавом, но в брюках. Двое нервно улыбаются третьему, который что-то говорит, жестикулируя. Покупка, продажа, партнерство – деловой обед на курорте, маскирующийся под отдых. У всех троих одинаковые кожаные ремешки на часах – не самые дорогие, но солидные. Корпоративный стандарт. Менеджеры среднего звена, решившие, что солнце и море сделают переговоры мягче. Ошибаются. На жаре инстинкты обнажаются быстрее.

Именно в этот момент, когда мой внутренний сканер перебирал очередную порцию курортного человеческого материала, я заметила его. Он вошел не через главные двери – те, что выходили на залитую солнцем улицу, – а из теневого коридора, ведущего, судя по всему, от служебного входа или парковки. Мужчина лет пятидесяти, в светлых льняных брюках и рубашке поло отличного кроя, но слегка помятой, будто он провел в ней несколько часов в машине. Его лицо было знакомо. Не лично, а медийно. Семен Камов. Мэр Анапы.

Его фигура не несла в себе расслабленной курортной энергии. Он двигался целеустремленно, но с легкой, едва уловимой неуверенностью – как человек, который ищет что-то в незнакомом месте. Взгляд скользнул по стойке администратора, по гостям в креслах, задержался на группе мене-

джеров, и в глазах мелькнуло раздражение – нет, не те. Потом этот взгляд нашел меня.

Нашлись мы глазами. Он не смотрел прямо – скорее зафиксировал, сверил с мысленным изображением и принял решение. Походка стала увереннее. Я сделала еще глоток кофе, поставила чашку на блюде с тихим, но отчетливым звуком фарфора. Предупреждение для самой себя: игра начинается.

– Татьяна Александровна?

Его голос был ниже, чем в телеэфирах, и суше. В нем не было привычной округлой бархатистости политика. Был усталый напряг. Я медленно подняла взгляд, дав ему понять, что вторжение в мое личное пространство, отмеченное шляпой и чашкой эспрессо, требует обоснования.

– Да. А вы меня, простите, откуда знаете?

Голос я сделала легким, слегка удивленным. Игра в недоступную на отдыхе женщину. Он замер на секунду, удивившись. Политики привыкли, что их узнают.

– Мне... посоветовали. Коллеги из Тарасова. Говорят, вы решаете сложные вопросы.

Он произнес это с такой осторожностью, будто слова «сложные вопросы» были заминированы.

– Коллеги из Тарасова, – повторила я задумчиво. – Удивительно. Я тут всего второй день. И, как видите, нахожусь в состоянии глубокого ничегонеделания. Вы не ошиблись номером?

Я улыбнулась. Улыбка была холодной, вежливой и не оставляющей сомнений: я не хочу разговаривать. Стандартный прием – отщивание. Заставь собеседника проявить настойчивость, и он раскроет свою истинную заинтересованность.

Камов не сел. Он стоял, и я видела, как пальцы его правой руки слегка постукивают по шву брюк. Нервный тик. Хорошо.

– Я понимаю, что отрываю вас от отдыха. Поверьте, по-другому не могу. Ситуация... критическая. Мне нужен профессионал. Скрытный профессионал.

Он сделал ударение на слове «скрытный». Ключевое слово для моего мира. Оно означало: денег не жалко, но чтоб никто не знал. Я вздохнула, сделала паузу, рассматривая его. Он пытался держать лицо – спокойное, уверенное лицо хозяйственника, заботящегося о вверенном ему городе. Но глаза его бегали. Не по сторонам, а куда-то внутрь, к каким-то своим внутренним чертикам. И когда он сказал «критическая», левый уголок его рта дернулся вниз, почти невидимо. Микровыражение. Миг, за который человек не успевает надеть маску. Страх. Не тревога, не озабоченность – именно страх.

– Присаживайтесь, – сказала я наконец, кивнув на кресло напротив. – Но предупреждаю: я не журналист, не психолог и не в общественной приемной. И мое время стоит денег. Даже на курорте.

Он сел, чуть расслабившись, но не полностью. Откинулся в кресле, но корпус подался вперед. Хочет казаться расслабленным, а сам сжатый – как пружина перед прыжком.

– Это я понимаю. Пять дней, – выпалил он. – У вас есть пять дней, чтобы разобраться в одной... неприятной истории. Я заплачу. Ваш стандартный гонорар, я узнал. Плюс все расходы.

– Пять дней на что? – спросила я, не меняя тона. – И главное – начиная с чего? Вы еще даже не сказали, в чем дело.

Он обвел взглядом лобби, убедился, что никто не находится в непосредственной близости. Наш угол под огромной финиковой пальмой в массивной бетонной кадке был идеальным укрытием. Листья создавали полупрозрачную ширму, сквозь которую нас было плохо видно окружающим.

– Поджоги, – прошептал он, хотя в этом не было необходимости. – Электросамокатов. Прокатных. Уже семь штук за неделю. Каждую ночь. Все – одна сеть, «Стримлайн». Самые новые модели.

В голове уже щелкали цифры: ущерб, сроки, гонорар. Ущерб? Небольшой для такого бизнеса. Страховка покроет. Репутационный удар? Да, неприятно, но не смертельно. Почему мэр лично, тайно нанимает частного детектива из другого города?

– Полиция? – бросила я.

– Работают.

Он махнул рукой, и в этом жесте было столько презри-

тельного раздражения, что я чуть не присвистнула.

– Формально. Составляют протоколы, опрашивают свидетелей, которых нет. Они ищут подростков-вандалов или конкурентов. Стандартная схема. Это... это не то.

– А что то? – спросила я мягко.

Он посмотрел на меня. И в этот миг маска хозяйственника сползла полностью. В его глазах было чистое, немислимое для человека на такой должности отчаяние.

– Я не знаю, Татьяна Александровна. Потому и прошу вашей помощи.

Он проглотил воздух.

– И еще причина. Через неделю – официальное открытие сезона, фестиваль, пресса, инвесторы. Если это продолжится... Репутация города...

Он сказал «репутация города», но его взгляд в этот момент уперся не в меня, а куда-то через мое плечо, в зеркальную стену, где отражалась вся эта мраморная идиллия. И в этом взгляде не было заботы о туристическом потоке или инвестиционном климате. Там было только переживание за вопросы, которые он вел и за которые отчитывался в Москву.

– Пять дней – срок издевательский для любого расследования, кроме самого примитивного, – сказала я деловым тоном. – Вы это понимаете? Я не волшебник. Я буду работать с тем, что есть. И метод будет мой. Без согласований с вашим управлением МВД и без отчетов каждые два часа.

– Да, – быстро согласился он. – Только результат. И пол-

ная конфиденциальность. Никто не должен знать, что я вас нанял.

– Мои условия: двести долларов в день плюс операционные расходы. Аванс – пятьдесят процентов. Наличными. Сегодня. Остальное – по факту, независимо от исхода. Вы получите устный отчет. Никаких бумаг.

Он кивнул, уже доставая из кармана брюк конверт, который явно ждал своего часа. Он положил его на столик рядом с моей шляпой.

– Здесь половина. Пять дней, значит... Пятьсот. Долларов.

Он произнес сумму без содрогания. Для городского бюджета пятьсот долларов – пыль. Для личного кармана мэра – тоже, судя по всему, не трагедия. Значит, проблема того стоит. Я не стала пересчитывать при нем. Просто прикрыла конверт полями шляпы.

– Хорошо. Теперь подробности. Все, что у вас есть: фото с мест, полицейские протоколы, даже если они формальные, список уволенных из «Стримлайна» за последний год, список их конкурентов, включая тех, кто не выжил. И полная информация о владельцах этой сети. Не то, что в реестре, а то, что знаете вы.

– Я... я не совсем понимаю зачем...

– Вы нанимаете меня, чтобы я поняла, – холодно отрезала я. – Я не буду искать подростков с зажигалками. Я буду искать причину. А причина всегда в людях и их отношении-

ях. Деньги, власть, месть, страх. Выберите сами, что из этого вам ближе. Но, чтобы я это нашла, мне нужно все. Иначе – забирайте ваш конверт и ищите другого дурака.

Он сглотнул, кивнул.

– Хорошо. Я пришлю. Сегодня же. На электронную почту.

– Отлично. Теперь последнее. Ваш личный интерес в этом деле. Не как мэра. Как человека. Что вы боитесь найти в этом пепле?

Он замер. Его лицо стало каменным. Политик взял верх над испуганным человеком.

– Мой интерес – спокойствие и благополучие города, который мне доверили. Все.

В момент, когда он это говорил, его правая рука произвольно потянулась к левому запястью, как будто поправить несуществующие часы. Классика. Вранье. Гладкое, отработанное, но вранье. Рука потянулась к запястью, чтобы отгородиться ложью, как щитом. Щита не было. Он только что солгал, и его тело выдало это раньше, чем он закончил фразу. Я не стала давить. Пока не стала.

– Как скажете. Жду информацию. И с этого момента вы со мной не знакомы. Если встретимся – мы не знакомы. Понятно?

– Понятно.

Он встал, еще раз кивнул, деловой и собранный, и быстро зашагал прочь, к тому же служебному коридору. Его фигура растворилась в полутьме. Я осталась сидеть, глядя на его

спину, пока она не исчезла.

Вот и все. Отпуск кончился. Не прошло и сорока восьми часов. Внутренний джаз сменился на привычный, бодрый, пульсирующий ритм рабочего дня. Внутри что-то щелкнуло и зажглось – ровная, холодная рабочая собранность. Лень сгорела мгновенно.

Я подняла конверт, сунула его в свою плетеную пляжную сумку, поверх крема от загара и электронной книги. Пятьсот долларов аванса. Неплохо для начала дня. Но дело было не в деньгах. Дело было в этом страхе в его глазах. В этом разрыве между репутацией города и личной паникой. В этом жесте с поправкой часов. В его готовности заплатить наличными и требовать полной скрытности.

Анапа. Яркая, шумная декорация с голубыми бассейнами и белым песком. Фасад. И за любым фасадом, каким бы красивым он ни был, всегда прячется гниль. Трещинки, плесень, следы старого ремонта. Кто-то начал этот фасад методично царапать. До основы. И поджигать.

Я допила холодный эспрессо, поставила чашку. Взяла со столика свою шляпу, медленно надела ее, чувствуя, как она меняет мой образ обратно на неприкосновенную отдыхающую. Но внутри я уже была другим человеком. Достала телефон. Прощлась пальцем по списку контактов, нашла нужный – Киря. Моя техподдержка. Набрала. Он ответил на втором гудке. На фоне слышался привычный гул вентиляторов и приглушенный стук клавиатуры.

– Тань, – его голос был ровным, без эмоций. – Курорт не отпускает?

– Закончился, Кирь. Влетела работа. Срочная и очень веселая.

Я описала ситуацию в трех предложениях: мэр, самокаты, пять дней.

– Мне нужно цифровое досье. На Семена Камова. Все, что есть за последние десять лет. Не официальная биография, а все, что прячется в тендерах, в связях, в старых судах. Особое внимание на любой бизнес, связанный с туризмом, недвижимостью, прокатом. И на компанию «Стримлайн». Кто бенефициары, кто реальные владельцы, с кем судились, кого увольняли. Все, что можно выцепить из открытых источников и твоих... закрытых каналов.

На том конце провода послышался новый, более оживленный стук клавиатуры. Он уже работал.

– Камов... Анапа... Понял. «Стримлайн» – это сеть, их много. Будем копать. Сроки?

– Вчера. Первую порцию – к вечеру. Это приоритет.

– Будет.

Пауза.

– Тань, осторожнее там. Если мэр сам лезет в такую кашу, значит, там не просто вандалы.

– Я знаю. Поэтому и звоню. И, Кирь...

– Да?

– Ищи не только связи. Ищи скелет. Большой, персональ-

ный, который может развалиться от первого же толчка.

– Ищем скелеты, – повторил он без тени иронии. – Принято.

Я положила трубку. Солнце, пробиваясь сквозь листья пальмы, отбрасывало на мраморный пол причудливые узоры, похожие на трещины. Символично. Отпуск был принесен в жертву. Но жертва, как мне казалось, того стоила. Потому что эта история с обгоревшими самокатами явно была не просто хулиганством. Она тянула на большую ложь и, возможно, на большую кровь. А это, как ни цинично, самый интересный вызов для человека моей профессии.

Я встала, поправила шляпу и пошла к выходу из лобби, к лифтам. Мне нужно было переодеться. Белые шорты и шелковая блуза цвета морской волны были прекрасны для безделья. Но для охоты нужна другая одежда. И другое выражение лица. Без тени сомнения и с лезвием иронии наготове.

Лифт повез меня наверх, к номеру с видом на море. Я смотрела в зеркальную стену кабины на свое отражение: высокая блондинка с безупречным макияжем, в огромной шляпе, с дорогой сумкой через плечо. Идеальная картинка. Но в зеленых глазах этой картинки уже горел холодный, цепкий, профессиональный огонь.

Глава 2

Ровно два часа. Столько прошло с той минуты, как в кондиционированной тиши лобби отеля «Амфитрита» закончился мой отпуск. Точнее, его прикончил Семен Камов, мэр города, положив передо мной конверт с авансом и историей про горящие самокаты.

Я стояла перед зеркалом в номере и оценивала отражение. Вчерашняя Татьяна – та, что в белых шортах и шелковой блузке цвета морской волны, – осталась в прошлом. Ее костюм висел на вешалке как память о коротком сне. Сегодняшняя Татьяна Иванова, частный детектив, была одета в практичный, но безупречный «инспекторский» комплект. Легкий костюм из невесомого льна цвета «пепел розы» – немаркий, дышащий, с кроем, который стоил дорого, но не кричал об этом. Пиджак свободного покроя, брюки прямые, до щиколотки. Под низ – простая черная майка. На ногах – кожаные шлепанцы на плоской подошве, мягкие, как тапочки, но в них можно было пройти два десятка километров, и ноги не подали бы голос протеста. Главное – они не привлекали лишнего внимания. На переносицу я водрузила огромные солнцезащитные очки в тонкой роговой оправе. Не просто аксессуар. Мой радар. За темными стеклами я могла разглядывать мир, сканировать лица и жесты, оставаясь для мира просто еще одной загорелой блондинкой с деньгами и без

явных забот.

На низком столике рядом лежали распечатки – архив, присланный Камовым. Семь фотографий, семь протоколов. Сухой, выхолощенный язык полицейских отчетов: «...обнаружены следы горюче-смазочных материалов... аккумуляторная батарея подверглась термическому разрушению...» Бумага, которую можно было выбросить, не читая. Работа полиции свелась к заполнению стандартных документальных форм. Никакого интереса, никакой попытки копать. Это была даже не скрытая порча. Это была профессиональная апатия.

Я сложила распечатки в сумку вместе с блокнотом в кожаном переплете, тремя ручками, паспортом и пачкой наличных из конверта Камова. В отдельный кармашек на молнии убрала заряженный пистолет Макарова – формальность, но кодекс частного детектива не терпит пренебрежения к формальностям.

Перед тем как выйти, проверила телефон. Сообщение от Кири пришло двадцать минут назад. Короткое, как всегда. Ссылка на зашифрованный сайт для обмена файлами и пароль. Я подключилась через специальное приложение, которое не оставляет следов, и скачала первую порцию данных.

Информация была скудной, почти разочаровывающей. Кирия прислал выжимку. «Стримлайн». Юридическое лицо – ООО «Стримлайн-Юг». Учредители – три подставных физических лица и одна управляющая компания из Моск-

вы. Стандартная схема. Открытых данных о реальных владельцах нет. Финансовая отчетность за последний отчетный период – обычная для среднего бизнеса: прибыль, налоги, никаких аномалий. Никаких «дыр», скрытых активов или предбанкротных колебаний. Краткая справка по Камову Семену Петровичу. Родился, учился в местном политехническом институте, комсомол, низовые должности в администрации, постепенный рост. Ни судимостей, ни громких скандалов. Биография как из учебника для провинциального чиновника – выверенная, стерильная, без сучка без задоринки.

Чисто. Слишком ровно. Но ровность – не улика. Она лишь означала, что искать нужно не в официальных бумагах, а в том, что между строк, в живых людях и в том, что от этих бумаг тщательно скрыли. Моя работа всегда начиналась там, где заканчивались официальные отчеты.

Я взглянула на часы. Ровно одиннадцать ноль-ноль. Пора. Я арендовала себе синий «БМВ». Ну раз уж работать, то ездить буду так же эффектно. Машина из проката стояла на парковке отеля. Я загрузилась внутрь, завела двигатель. Кондиционер с хрипом выдул струю ледяного воздуха. Десять минут езды – и тихий мир дорогих отелей сменился совершенно иной реальностью. Гулкой, шумной. Воздух за бортом казался плотным, тяжелым. Пыль, крики зазывал, музыка из десятков динамиков. И над всем этим, как грязная пленка на яркой картине, висело ощущение чего-то недавно

сгоревшего – напоминание, которое город еще не успел забыть.

Набережная в это время дня была не местом для отдыха, а испытанием на прочность. Толпы людей двигались сплошным, медленным потоком. Дети с надувными кругами, пары в одинаковых панамах, бабушки с тележками, молодые парни с пустым взглядом. Гул голосов, визг, крики – все это сливалось в оглушительную какофонию.

И посреди этого ярмарочного безумия стояли они. Синие, глянцевые, новенькие павильоны «Стримлайн». С яркими наклейками, с логотипом-волной. Идеальные, новые, яркие – и наглухо закрытые. На каждом аккуратная табличка: «В связи с проведением технических работ прокат временно не осуществляется». Перед некоторыми павильонами лежали аккуратные штабеля новеньких самокатов, упакованных в транспортную пленку. Свежее пополнение, которое не запускали в оборот.

Я медленно ехала вдоль ряда, наблюдая за реакцией людей сквозь тонированные стекла. Они проходили мимо, бросали взгляды на закрытые павильоны. И в этих взглядах не было ни капли сочувствия, тревоги или даже здорового любопытства. Там читалось только раздражение. Досада. И что-то вроде глухого, неприличного злорадства.

– Ну вот, опять эти жулики что-то устроили, – донеслось до меня сквозь приоткрытое окно машины, притормозившей рядом.

Мужчина в полосатой тельняшке, красный от солнца, властно тянул за руку скучающего подростка.

— Цены ломают несусветные, а теперь и покататься нельзя. Весь отдых испортили.

— А может, им так и надо, — флегматично, не отрываясь от намазывания крема на свои красные, обгоревшие плечи, ответила ему жена. — Развелось их тут, как тараканов. Весь вид набережной портят. Только и делают, что носятся, народ пугают.

Вот он, народный вердикт, вынесенный в упрощенном суде курортного быта. Самокат в сознании обывателя перестал быть средством передвижения. Он трансформировался в символ. Символ наглого, алчного, бездушного бизнеса, который влез в их личное пространство отдыха, отгородил лучшие куски общественной земли, взвинтил цены до небес и теперь еще создает дополнительные неудобства. И когда этот символ начинают жечь, в глубине души у многих, очень многих, шевелится темное, смутное, никогда не высказываемое вслух чувство: «Так им и надо». Это не поддержка поджигателя. Это фоновый шум общественного недовольства. Почва, на которой могло вырасти что-то более целенаправленное и страшное.

Но мой поджигатель, судя по описанию Камова и ночной сцене, которую я мысленно достраивала по его словам, был не народным мстителем. Его ненависть не была размытой. Она, должно быть, была сфокусирована, как луч лазера. И

моя первая задача сегодня заключалась не в поиске имени, а в поиске точки, в которую был направлен его луч. Понимания мотива.

Я припарковалась в пятистах метрах от первого места, указанного в полицейском протоколе, там, где начиналась платная стоянка для туристов. Дальше – только пешком. Из семи мест, отмеченных в протоколах, я выбрала три. Этого достаточно, чтобы считать почерк. Первое – начало серии, точка отсчета, там всегда больше всего следов и эмоций. Второе – технически оснащенное, чтобы понять, как он обходит камеры. Третье – окраина, почти пустырь, там проступает истинное лицо, без необходимости прятаться. Остальные четыре – вариации, тираж. Мне нужен оригинал.

Я вышла из машины, поправила пиджак, сдвинула очки на переносицу и быстрым, уверенным шагом пошла в сторону моря, встраиваясь в пестрый поток. Мой льняной пиджак развевался на брize, и я ловила на себе короткие завистливые взгляды девушек в дешевых ярких сарафанах. Легенда работала безупречно. Обеспеченная, слегка скучающая женщина на дневной прогулке. Самая безопасная и невинная маска в мире. Никто не обратил бы внимания на то, что я буду долго стоять и смотреть на стену или разговаривать с уборщиком. Для них я была просто частью пейзажа.

Первое место, которое мне нужно было осмотреть, находилось у самого центрального причала для прогулочных катеров. Павильон «Стримлайн» стоял здесь на самом виду,

на пересечении самых людных потоков. Здесь всегда было шумно, здесь постоянно фотографировались, здесь назначали встречи. И именно здесь, согласно полицейской схеме, ровно неделю назад был сожжен первый самокат – с которого, судя по всему, и началась вся эта история.

Я остановилась метрах в десяти от павильона, сделала вид, что любуюсь на белые яхты, качающиеся на нежно-бирюзовой воде, и включила внутренний сканер. Сначала нужно было обратить внимание на систему наблюдения. Камеры. Их было три. Первая – маленькая, купольная, на самом углу павильона, направленная вдоль его фасада. Вторая – более массивная, на фонарном столбе через дорогу, ее объектив был повернут так, чтобы охватывать подходы к павильону и кассам причала. Третья – на стене здания морского вокзала, была в противоположную сторону, на входную группу и причал. Я мысленно нарисовала сектора их обзора. Все они были нацелены на людей, на движение, на точки потенциального конфликта или заработка. Пространство непосредственно за павильоном, в тесном углу между его задней стенкой и глухой бетонной стеной какого-то служебного помещения, оказывалось в мертвой зоне. Небольшой треугольник тени, куда не попадал ни один объектив.

Согласно фотографии из архива Камова, именно в этом треугольнике и осталось черное маслянистое пятно гари, очертаниями напоминающее распластанную птицу. Значит, поджигатель не прятался в кустах, не подкрадывался тайно

из темного переулка. Он стоял в двух шагах от оживленной пешеходной дорожки, но в кармане слепоты, который создали сами проектировщики. Он знал, куда смотрят камеры. Знал наверняка. Либо заранее тщательно изучил, либо работал здесь и знал по опыту. Первый важный штрих: знание.

Я неспешно подошла к самому месту. Пятно было уже почти замыто, но его контур все еще угадывался – темный, жирный, с характерными разводами. Кто-то пытался оттереть его хлоркой или другим едким составом, отчего бетонная плитка вокруг посветлела неровными белесыми пятнами, только подчеркивая уродливые очертания бывшего кострища. Я присела на корточки, делая вид, что поправляю ремешок на шлепанце. В памяти отпечатались: разводы гари, форма пятна, направление потеков. Потом перенесу в блокнот.

– Красиво горело, да?

Голос раздался у меня за спиной. Низкий, хриплый, простуженный утренним воздухом. Я обернулась, не вставая. Позади меня стоял мужчина лет шестидесяти, в поношенной серой рабочей робе с выцветшим логотипом коммунальной службы, с метлой в натруженных, узловатых руках. Лицо обветренное, в глубоких, как трещины на высохшей глине, морщинах, но глаза – ясные, усталые и всевидящие. Уборщик. Человек, который каждое утро приходит сюда, чтобы стереть следы ночной жизни курорта.

– Страшно было? – спросила я, поднимаясь и снимая оч-

ки.

Без них мое лицо становилось менее защищенным, более открытым. Так проще расположить к себе такого человека.

– Мне-то? – Он фыркнул, делая вид, что усердно подметает уже и без того чистую плитку. – Я в пять утра прихожу. От всего тут уже только пепел да чернота на плитке. Как в крематории работаю, честное слово. Только гарь не от трупов, а от этого пластика ихнего. Все в копоти.

– А нашли что? Утром, когда пришли? – Я сделала голос простым, доверчивым, слегка взволнованным.

Туристка, которую зацепила местная криминальная хроника. Уборщик остановил метлу, облокотился на черенок, изучая меня. Его взгляд, быстрый и цепкий, скользнул по моему костюму, задержался на дорогих шлепанцах, оценил солнечные очки в моей руке. Он что-то складывал в уме, взвешивал.

– Нашел... – протянул он, явно получая удовольствие от возможности рассказать. – Канистру. Пустую. Пластиковую, обычную, с заправки, литра на полтора, не больше. И спички. Коробок целый, только мокрый от росы, раскис весь. И царапину.

– Царапину? – притворно удивилась я.

– На соседнем самокате, – он кивнул подбородком в сторону оставшейся нетронутой техники рядом с павильоном. – Металлом драли сильно. Так, что стружка летела. Будто злился кто-то не на шутку.

Я подошла к павильону, да, глубокий, рваный шрам на алюминиевом корпусе длиной сантиметров десять. Проведен с силой, сверху вниз, под углом, будто рука дернулась в момент удара. Не случайный удар, а осмысленное, яростное, почти ритуальное действие. Я запомнила направление, глубину, угол. В блокнот пойдет схематичный рисунок.

– Полиция это все забирала? – спросила я, возвращаясь к нему.

– Канистру забрали. Спички. Про царапину... кто ее заметит, если он отдельно стоял? – Он махнул рукой в сторону, где, видимо, в его воображении располагался полицейский участок. – Они тут фотографировали, мерили, в бумажки что-то писали. Им главное – отчет написать, что меры приняты. А что меры эти ни к чему не приводят, так это любому дураку понятно. Ну а вы, барышня, не задерживайтесь тут. Место нехорошее.

В его голосе не было злобы. Там звучала привычная, въевшаяся, как та самая гарь, горькая апатия человека, который долгие годы наблюдал изнанку работы этой системы и давно перестал ожидать от нее хоть какого-то смысла, кроме отчета в папке.

– Спасибо, вы... прояснили картину, – сказала я, надевая очки.

– Да чего там, – он снова взялся за метлу, отворачиваясь. – Кого-то сильно обидели, вот он и мстит. Только мстит не тому, кто обидел, а бездушному железу. Глупость все это.

Он отвернулся окончательно, давая понять, что беседа окончена. Первый информатор. И он дал мне три ценных штриха к портрету: канистра обыкновенная (подготовка была, но без изысков), обычные спички в картонном коробке (дешево, просто, меньше улик, но и определенная театральность, почти презрение к сложным методам) и – самое важное – царапина. Это была уже не просто порча имущества. Это был акт символического осквернения самого места. Это был личный, почти интимный жест.

Надев очки, я пошла дальше, ко второй точке, которая находилась примерно в двухстах метрах, рядом с огромным, вычурным рестораном в форме пиратского корабля. Здесь камер видеонаблюдения было еще больше. Но и здесь после пяти минут неторопливой визуальной разведки я нашла мертвую зону. Узкий, темный проход между задней стеной ресторана и высоким декоративным заборчиком, за которым стояли большие мусорные контейнеры. Идеальное место, чтобы остаться незамеченным, если точно знать расписание вывоза мусора и график обходов частной охраны. Знание. Опять знание. Или опыт.

Здесь я решила сменить тактику. Подошла к небольшому киоску по продаже мороженого. За стойкой, заваленной коробками с вафельными стаканчиками и сиропами, работала девушка лет двадцати, не больше. Ярko-оранжевая футболка с логотипом сети, лицо, на котором смертельная усталость от двенадцатичасовой смены отчаянно боролась с вымученной

профессиональной улыбкой.

– Девушка, можно вас на секундочку? – спросила я, делая глаза немного растерянными и наивными. – Я тут позавчера вечером, кажется, потеряла сережку. Вы, случайно, не находили?

Девушка оживилась, ее взгляд прояснился. Смена легенды на ходу – всегда интересный вызов.

– Сережку? – переспросила она, автоматически оглядывая стойку. – Нет, не находили. А какую?

– Маленькую, очень простенькую, с одной жемчужиной, – солгала я, машинально касаясь мочки уха. – Я как раз возле того самого места гуляла, где самокат горел. Может, там уронила, когда все сбежались смотреть? Вы в тот вечер не работали?

Лицо продавщицы изменилось мгновенно. На нем появился неподдельный, живой азарт – она чувствовала, что становится участницей маленькой, но интригующей детективной истории. Она наклонилась через стойку, понизив голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.